



РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ



А.А. ЖДАНОВ
Г.М. МАЛЕНКОВ

СТАЛИН И КОСМОПОЛИТЫ



Рядом со Сталиным

Георгий Маленков

Сталин и космополиты (сборник)

«Алисторус»

Маленков Г. М.

Сталин и космополиты (сборник) / Г. М. Маленков —
«Алисторус», — (Рядом со Сталиным)

А.А. Жданов и Г.М. Маленков были ближайшими соратниками И.В. Сталина. Жданов был членом Политбюро при Сталине, Первым секретарем ленинградского обкома ВКП(б), главным идеологом партии. В 1946 и 1947 гг. он выступил против антипатриотических течений в советской культуре; его доклады стали началом борьбы с космополитизмом. После внезапной смерти А.А. Жданова его дело продолжил Г.М. Маленков, также член Политбюро ЦК КПСС, который продолжал бороться с антирусскими и сионистскими движениями в СССР. В данной книге представлены важнейшие работы Жданова и Маленкова по вопросу о патриотизме и космополитизме, о русофобии некоторой части интеллигенции, об отношении Сталина к теме русского патриотизма. За последние семьдесят лет эти работы публикуются впервые.

© Маленков Г. М.

© Алисторус

Содержание

Предисловие	5
А.А. Жданов	5
Г.М. Маленков	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А.А. Жданов, Г.М. Маленков

Сталин и космополиты

Предисловие

А.А. Жданов

Андрей Александрович Жданов – один из ближайших соратников И.В. Сталина – прошел долгий путь прежде чем стал заметной фигурой в советском руководстве. Он родился в семье инспектора народных училищ, учился в Тверском реальном училище, затем в Московском сельскохозяйственном институте и в школе прапорщиков в Тифлисе.

В 1912 году А.А. Жданов вступил в молодежную организацию РСДРП, а с 1915 года навсегда связал свою жизнь с партией. А.А. Жданов был активным участником Великой Октябрьской Социалистической Революции, установления Советской власти на Урале. В годы Гражданской войны он – один из организаторов и политических руководителей Красной Армии на Урале и в Твери. После Гражданской войны находился на ответственной партийной и хозяйственной работе в Твери, а с 1924 по 1934 год Андрей Александрович Жданов возглавлял Нижегородскую областную и Горьковскую краевую партийные организации.

Под его руководством и при активной повседневной поддержке Сталина, Молотова, Калинина, Орджоникидзе, Куйбышева и др. Нижегородский край превратился в мощный индустриально-аграрный форпост страны. В рекордно короткий срок были введены в строй действующих такие гиганты социалистической индустрии, как автозавод, авиазавод, Балахнинский бумкомбинат, машиностроительный, станкостроительный и др. заводы. Была проведена коренная техническая реконструкция Красного Сормова, Красной Этны, заводов им. Ленина, им. Воробьева, Выхсунского, Кулебакского и Горьковского металлургических заводов и др. Были построены новые заводы и введены огромные мощности на предприятиях Дзержинска, который позднее стал самым крупным центром химической промышленности страны.

Были введены в эксплуатацию Балахнинская ГРЭС, ТЭЦ автозавода, начато строительство Игумновской ТЭЦ, построены тысячи километров магистральных и распределительных электросетей и «лампочка Ильича» пришла в рабочие кварталы, все райцентры, многие деревни. Была проведена огромная работа по ликвидации неграмотности. Были открыты институт инженеров водного транспорта и инженерно-строительный институт, а также институт иностранных языков. На базе Горьковского университета открыты медицинский и сельскохозяйственный институты.

Открыты сотни кинотеатров, десятки домов пионеров, музеев, а также многие уникальные объекты жилья, промышленности и соцкультбыта. К проектированию Соцгорода автозавода были привлечены выдающиеся советские зодчие братья Голосовы, авторы комбината «Правда» в Москве. На месте бывших дач буржуазии открыты десятки домов отдыха и ряд санаториев.

На 2-й Нижегородской краевой партконференции в 1930 г. В.В. Куйбышев сказал: «Тот уголок края, который я видел в Нижнем Новгороде, производит впечатление сплошной стройки. Едва ли ошибусь, если скажу, что ни один город в нашем Союзе не может сравниться сейчас с Нижним Новгородом по количеству строящихся объектов и по размаху строительства».

Большое внимание Жданов уделял укреплению материально-технической базы военных учебных заведений, которые окончили многие выдающиеся военачальники, в т.ч. дважды

Герой Советского Союза Белобородов, маршал Соколов и др. Укрепились материально-техническая база ДОСААФ (ОСОВИАХИМ), аэроклубов, из которых вышло немало Героев Советского Союза.

Многие годы при Жданове командиром Горьковской стрелковой дивизии был будущий маршал Конев. Воины гарнизона на воскресниках участвовали в строительстве пусковых объектов предвоенных пятилеток, дорог, помогали жителям городов, сел и деревень во время стихийных бедствий, на сельскохозяйственных работах, уборке урожая, заготовке топлива и т.д.

План первой пятилетки в крае, области и Горьком был выполнен досрочно. В 1934 году край был награжден орденом Ленина, и в этом огромная заслуга Жданова.

* * *

После злодейского убийства С. М. Кирова в Ленинграде А. А. Жданов избирается Первым секретарем Ленинградского обкома и Горкома ВКП(б), Секретарем ЦК, кандидатом, а затем членом Политбюро ЦК ВКП(б). С 1935 года А. А. Жданов был Членом Военного Совета Ленинградского военного округа, позднее Членом Главного Военного Совета Военно-морского флота СССР.

С началом войны была образована Ставка Верховного Главнокомандования, Жданов был назначен постоянным советником Ставки. Вечером 24 июня зафиксировано совещание Жданова и Сталина. Предполагается, что помимо общих вопросов начавшейся войны, они обсуждали ситуацию с Финляндией, которая, не объявляя войны, де-факто уже выступила на стороне Германии.

Жданов не был профессиональным военным, но имел немалый опыт управления и кризисного руководства. В июле 1941 г. он возглавил Военные советы Северного и Северо-Западного фронтов. Уже в конце июня в Ленинграде по его распоряжению начали формироваться дивизии народного ополчения и стали эвакуироваться первые группы граждан.

История блокады и борьбы за Ленинград в 1941 – 1944 гг. может занять не один десяток книг. Трагедию блокады, вызванную стремительным наступлением агрессора, и поныне используют для создания «черной легенды» о Жданове. Тут истеричные обличители или злонамеренные очернители русской истории вешают на нашего героя всех собак, используя и объективных трудности и самые нелепые выдумки.

Вот типичный образчик такой писанины: «За 900 дней блокады ответственность должно нести партийное руководство, и в первую очередь самый бездарный чиновник – первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) товарищ А.А. Жданов, который к героическому подвигу жителей города никакого отношения не имел. Первый секретарь блокаду «проспал»: много пил, много ел, занимался физкультурой, чтобы сбросить лишний вес, на передовую не ездил и хозяйством не занимался».

К сожалению, остается неизвестным, кто должен нести ответственность за столь впечатляющие умственные способности автора данной цитаты, сам автор в силу ярко выраженной мозговой альтернативности нести такую ответственность явно не может. Поэтому бесполезно задавать ему, например, вопрос об ответственности за 900 дней блокады таких одаренных личностей как Гитлер или Маннергейм – объективность и логика не в чести у тех, кто разоблачает сталинских сатрапов между бизнес-ланчем и офисом.

Некоторые элементы «черной легенды» о Жданове в годы блокады мы рассмотрим ниже. Сейчас же заметим одно – с 1941 по 1945 год на северо-западе России и в Ленинграде Андрей Александрович Жданов, фактически, играл ту же роль, что и Сталин в масштабах всей страны. Как убоги и бессмысленны утверждения, что можно выстоять и выиграть мировую войну при бездарном лидере или «вопреки» негодному главнокомандующему, так же бессмысленно отрицать роль Жданова в спасении Ленинграда. Именно Жданов осуществлял там и тогда высшее

государственное руководство, именно сформированная им в довоенные годы команда управляла городом, пожалуй, в самых беспрецедентно суровых военных условиях Второй мировой войны.

В ноябре 1941 г., когда в Москве проходил знаменитый военный парад на Красной площади, Жданов выступил на собрании партактива в Смольном: «Русские люди много раз смотрели смерти в глаза, проявляя при этом непоколебимую душевную силу: они и на этот раз не дрогнут, но надо рассказать народу правду такой, какая она есть...» Тему особого значения русской нации в СССР Жданов поднимал и в довоенное время, в годы войны он не раз обращался к русской национальной гордости, не оставит он «русский вопрос» и после войны.

* * *

Альтернативно одаренные писатели всех мастей любят «вспоминать», как Жданов «обжирался» в городе, умиравшем от голода. Тут в ход идут самые феерические байки, кои обильными тиражами наплодили еще в «перестроечном» угаре. Разоблачители «сталинской тирании и большевистских преступлений» то и дело любят повторять эту развесистую клюкву уже второй десяток лет. О том, как Жданов, дабы спастись от ожирения в блокадном Ленинграде, играл в «лаун-теннис» (видимо, диванным разоблачителям очень уж нравится импортное словечко «лаун»), как ел из хрустальных ваз пирожные «буше» (еще одно красивое слово) и как объедался персиками, специально доставленными самолетом из партизанских краев.

К сожалению, все эти байки, из года в год повторяемые легковесными «журналистами» и запоздалыми борцами со сталинизмом, разоблачаются только в специализированных исторических публикациях. Впервые они были рассмотрены и опровергнуты еще в середине 90-х гг. в ряде документальных сборников по истории блокады. Увы, тиражам исторических и документальных исследований не приходится конкурировать с желтой прессой. И эти набившие оскомину байки после миллионных тиражей «перестроечных» разоблачений и двадцати лет либеральной пропаганды все еще остаются в массовом сознании.

Вот что рассказывает в изданном в Петербурге в 1995 году сборнике «Блокада рассекреченная» писатель и историк В.И. Демидов: «Известно, что в Смольном во время блокады вроде бы никто от голода не умер, хотя дистрофия и голодные обмороки случались и там. С другой стороны, по свидетельству сотрудников obsługi, хорошо знавших быт верхов (я опросил официантку, двух медсестер, нескольких помощников членов военсовета, адъютантов и т.п.), Жданов отличался неприхотливостью: «каша гречневая и щи кислые – верх удовольствия». Что касается «сообщений печати», хотя мы и договорились не ввязываться в полемику с моими коллегами, – недели не хватит. Все они рассыпаются при малейшем соприкосновении с фактами. «Корки от апельсинов» обнаружили будто бы на помойке многоквартирного дома, где якобы жительствовавший Жданов (это «факт» из финского фильма «Жданов – протеже Сталина»). Но вы же знаете, Жданов жил в Ленинграде в огороженном глухим забором – вместе с «помойкой» – особняке, в блокаду свои пять-шесть, как у всех, часов сна проводил в маленькой комнате отдыха за кабинетом, крайне редко – во флигеле во дворе Смольного. И «блины» ему личный шофер (еще один «факт» из печати, из «Огонька») не мог возить: во флигеле жил и личный ждановский повар, принятый им еще от С.М. Кирова, «дядя Коля» Щенников. Писали про «персики», доставлявшиеся Жданову «из партизанского края», но не уточнив: были ли зимой 1941/42 года урожай на эти самые «персики» в псковско-новгородских лесах...»

Как вспоминала одна из двух дежурных официанток Военного совета Ленинградского фронта Анна Страхова, во второй декаде ноября 1941 года Жданов вызвал ее и установил жестко фиксированную урезанную норму расхода продуктов для всех членов военсовета (командующему М.С. Хозину, себе, А.А. Кузнецову, Т.Ф. Штыкову, Н.В. Соловьеву): «Теперь будет так...».

Участник боев на Невском пятачке, командир 86-й стрелковой дивизии (бывшей 4-й Ленинградской дивизии народного ополчения) полковник Андрей Андреевич Матвеев упоминает в мемуарах, как осенью 1941 года после совещания в Смольном видел в руках Жданова небольшой черный кисет с тесемкой, в котором член Политбюро и Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) носил полагавшейся ему пайковый хлеб: хлебная пайка выдавалась руководству несколько раз в неделю на два-три дня вперед.

Конечно, это не были 125 грамм, полагавшихся иждивенцу в самый кризисный период блокадного снабжения, но, как видим, и пирожными с лаун-теннисом тут не пахнет. Действительно, в период блокады высшее государственное и военное руководство Ленинграда снабжалось куда лучше, чем большинство городского населения, но без «персиков» (здесь господа разоблачители явно экстраполируют на то время свои нравы и нравы современного начальства: уж эти-то точно не будут затягивать пояса ради какой-то там страны и народа).

Предъявлять же руководству блокадного Ленинграда претензии в лучшем снабжении — это как предъявлять такие претензии солдатам Ленфронта, питавшимся в окопах лучше горожан, или обвинять летчиков и подводников, что они кормились лучше рядовых пехотинцев. В блокадном городе все без исключения, в том числе и эта иерархия норм снабжения, было подчинено цели обороны и выживания, так как разумных альтернатив тому, чтобы устоять и не сдаться, у города просто не было.

* * *

Здесь мы подходим еще к одному «разоблачительному» мифу, косвенно быющему по Жданову: якобы Ленинграду было лучше капитулировать и не переживать ужасов голодной блокады. Некоторым категориям современных граждан, действительно, близки призывы «расслабиться и получать удовольствие», пока их имеют. Но рассмотрим, к чему тогда могло привести город буквальное следование такому совету.

Для начала приведем несколько цитат, свидетельствующих о вполне деловых планах на будущее города наших добрых германских и финских соседей. Вот Франц Гальдер, начальник штаба командования Сухопутных войск Германии, 8 июля 1941 года пишет в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы». А вот его подчиненный Альфред Йодль, начальник оперативного отдела командования Сухопутных войск, 7 октября 1941 г. сообщает генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу: «Капитуляция Ленинграда, а позже и Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником... Нельзя кормить их население за счет германской родины...»

Вот уже сам партайгеноссе Гитлер 16 сентября 1941 года вещает в беседе с бригаденфюрером СС Отто Абецом, немецким послом в занятом германскими войсками Париже: «Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли.... Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы, период 250-летнего азиатства должен быть закончен». Как видим, художник-акварелист куда более романтичен, чем приземленные солдафоны Гальдер и Йодль.

Вот отрывок из еще одной директивы от 23 сентября 1941 года «Die Zukunft der Stadt Petersburg»: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта... Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы».

Финские соседи, действительно, недвусмысленно выразили эту свою незаинтересованность. 11 сентября 1941 года президент Финляндии Ристо Хейкки Рюти заявил немецкому

посланнику: «Ленинград надо ликвидировать как крупный город». Позднее товарищ Жданов прямо в Финляндии посадит господина Рюти как военного преступника на 10 лет, в том числе и за эти слова. После смерти Жданова подельник Гитлера по блокаде Рюти будет тут же амнистирован.

* * *

Стоит разобраться с вопросом о личной храбрости Жданова, так как мифотворцы «черной легенды», наряду с прочими «персиками» часто предъявляют нашему герою обвинения в трусости, в частности, любят рассказывать, как он якобы за все время блокады ни разу не появлялся на фронте. Оставим за скобками тот факт, что тыл для осажденного Ленинграда, простреливавшегося немецкой артиллерией, был понятием весьма условным – даже относительно безопасный Смольный был далеко не «ташкентским фронтом». Но миф о том, что Жданов не показывался на фронте, разоблачается многими свидетелями.

Так, однофамилец нашего героя, командующий артиллерией Ленфронта Николай Николаевич Жданов вспоминал, что руководитель Ленинграда за время блокады неоднократно присутствовал под немецким огнем на артиллерийских наблюдательных пунктах, чем весьма нервировал свою охрану и военных, опасавшихся, что немцы могут убить секретаря ЦК ВКП(б). А лейтенант Петр Мельников, командир батареи на Ораниенбаумском плацдарме, вспоминал, как Жданов приезжал в расположение его части, осматривал укрепления и беседовал с бойцами. Это, конечно, не передовые окопы, но в них не часто лазают и генералы действующих армий всех стран, не говоря уже о высших политических руководителях. Так что из всех политических деятелей стран, участвовавших во Второй мировой войне, Андрей Александрович Жданов смело может претендовать на то, что он дольше всех находился и работал в непосредственной близости к фронту.

Кстати, командующий артиллерией Ленфронта отмечал и чисто военные заслуги нашего героя: «Пожалуй, самым активным поборником уничтожения немецких батарей был А.А.Жданов, который не только следил за контрбатарейной борьбой, но и в зависимости от положения на фронте и общей ситуации войны предлагал соответствующие методы борьбы. Так, например, А.А. Жданов предложил самостоятельные артиллерийские операции, смысл которых заключался в том, чтобы не только уничтожать наиболее активные батареи, но, самое важное, взорвать снаряды на огневой позиции до их применения батареями немцев в обстреле Ленинграда и тем самым лишить эти батареи возможности участвовать в разрушении города».

Но помимо чисто военного фронта у Жданова был еще один специфический фронт – знаменитая «Дорога жизни». Он неоднократно лично выезжал на Ладогу. Шофер М.Е. Твердохлеб вспоминал первый рейс по ледовой дороге: «Как только мой «газик» взошел на землю, встречающие гурьбой бросились ко мне, вытащили из машины и я оказался в крепких объятиях круглолицего человека в мохнатой ушанке. Это был Жданов... – «Твоего подвига ленинградцы никогда не забудут!» – сказал мне Андрей Александрович, еще раз стиснул в объятиях и побежал ко второй подошедшей машине...»

В марте 1942 года, когда «Дорога жизни» накануне ледохода позволила накопить в городе хоть какой-то запас еды, Жданов обмолвился в одном из разговоров с руководством городского комитета комсомола: «Ну, теперь я богач, у меня на 12 дней продовольствие есть».

Роль Жданова как руководителя блокадного города и одного из высших государственных деятелей СССР в годы войны до сих пор должным образом не оценена потомками. В Петербурге стоит памятник Маннергейму, убивавшему ленинградцев блокадой. Памятника Жданову, создававшему «Дорогу жизни», в городе нет.

* * *

После войны в среде советской интеллигенции начали наблюдаться «фрондерские» явления: находясь на привилегированном положении в обществе, получая огромные гонорары, бесплатные квартиры от государства, дачи и прочие блага жизни, представители интеллигенции начали исподтишка ругать советский строй и восхвалять Запад, особенно США.

С 1946 года А.А. Жданов возглавил кампанию по усилению партийного контроля за интеллектуальной жизнью страны. Ведя борьбу с появлением иностранных влияний, с огульной критикой советского строя, он справедливо отмечал, что определенные представители интеллигенции забыли, что они вскормлены на деньги народа, а теперь этот народ вызывает у них презрение, также как и государство, которое дало им возможность безбедного существования и проявления творческих способностей.

Жданов пустил в оборот термин «низкопоклонство перед Западом», требуя от интеллигенции вернуться к русским национальным основам культуры, воспитывать и пропагандировать патриотические, а не космополитические чувства в народе

Сегодня Жданова критикуют за постановление о музыке. Но как актуальны его слова, что народная музыка должна быть ритмической, мелодичной, а в искусстве необходимо сочетать национальное и интернациональное.

Критикуют А.А. Жданова за его высказывания об А. Ахматовой, но назовите сегодня хоть одного рабочего или крестьянина, который прочитал хоть одно стихотворение ее наизусть. А вот стихи и песни Лебедева-Кумача, Матусовского, Суркова и многих других, которых поддерживал А.А. Жданов, хорошо знают, поют и помнят.

Многие выдающиеся русские и советские деятели культуры при Жданове и его содействии стали обладателями высоких наград. Так, шестикратные лауреаты Сталинских премий композитор Прокофьев и кинорежиссер Пырьев пять этих премий получили при жизни Жданова, который также курировал и культуру...

Сегодня в России все названное в честь Жданова (заводы, улицы, библиотеки, институты, школы и др.) переименованы.

Средства на это нашлись!

По материалам А. Вольница, С. Крюкова

Г.М. Маленков

Георгий Максимилианович Маленков, которого многие считают преемником Сталина, выбранным самим вождем, родился в семье дворянина, потомка выходцев из Македонии Максимилиана Маленкова и дочери кузнеца Анастасии Шемякиной.

В 1919 году Георгий Маленков закончил классическую гимназию и был призван в Красную Армию; там вступил в РКП(б), был политработником эскадрона, полка, бригады, Восточного и Туркестанского фронтов.

Приехав в Москву в 1921 году, Маленков поступил в МВТУ на электротехнический факультет. Занимая пост секретаря общевузовской парторганизации МВТУ, руководил борьбой против троцкистской оппозиции.

В 1920 – 1930-х гг. Г.М. Маленков являлся сотрудником Организационного отдела ЦК ВКП(б), с 1927 года техническим секретарем Политбюро ЦК. В 1934 – 1939 годах он занимал должность заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).

В 1937 году по поручению Политбюро он выезжал для проверки положения дел с руководящими кадрами в Белоруссию, Армению, Ярославль, Тулу, Казань, Саратов, Омск, Тамбов. В январе 1938 года на Пленуме ЦК Маленков по результатам своих инспекционных поездок делает доклад. «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». По докладу было принято постановление, выдержанное в таком же духе.

В августе 1938 года Маленков передает Сталину записку «О перегибах». Сын Г.М. Маленкова – А.Г. Маленков вспоминает:

«Я пишу по рассказу отца, записанному мною и затем проверенному им по моей записи: «Я передал записку И. Сталину через Поскребышева... В записке о перегибах в работе органов НКВД утверждалось, что Ежов и его ведомство виновны в уничтожении тысяч преданных партии коммунистов. Сталин вызвал меня через 40 минут. Вхожу в кабинет. Сталин ходит по кабинету и молчит. Потом спрашивает: «Это вы сами писали записку?» – «Да, это я писал». Сталин молча продолжает ходить. Потом еще раз спрашивает: «Это вы сами так думаете?» – «Да, я так думаю». Далее Сталин подходит к столу и пишет на записке: «Членам Политбюро на голосование. Я согласен».

Таким образом, говорит А.Г. Маленков, Сталин выразил недоверие Ежову. И тогда же, по словам Д. Суханова, он попросил Маленкова подобрать человека на должность первого заместителя наркома НКВД, который бы удовлетворял трем условиям: имел опыт работы в органах, опыт партийной работы и чтобы он, Сталин, мог ему лично доверять. Маленков предложил Донскому подобрать еще шесть кандидатур и затем все семь представил Сталину. Сталин выбрал Берию. В сентябре 1938 года Берия появился в Москве и приступил к работе в качестве первого зама Ежова.

А.Г. Маленков продолжает: «В конце января 1939 года Ежов добился через Поскребышева приема у Сталина. Тот принял его, но в присутствии Маленкова. Ежов обвинил Маленкова в попустительстве врагам народа и белогвардейщине, намекая на дворянское происхождение отца Г.М. Маленкова. Маленков, со своей стороны, повторил обвинения Ежову и его ведомству в уничтожении преданных партии коммунистов. Ежов потребовал созыва Политбюро.

Сталин сказал: «Пройдите в кабинет Маленкова, поговорите еще, я сообщу свое решение». Они прошли в кабинет Маленкова на Старой площади. Через некоторое время туда вошел Берия. При выходе из кабинета Ежов был арестован. При его аресте Маленков произнес: «Сын за отца не в ответе». Он имел в виду, что семья Ежова не понесет ответственности

за его деяния – ведь сам-то Ежов жестоко преследовал членов семей арестованных. (Как мне известно, семья Ежова была всего лишь выслана из Москвы).

Затем Маленков распорядился вскрыть сейф Ежова. Там были найдены личные дела, заведенные Ежовым на многих членов ЦК, в том числе на Маленкова и даже на самого Сталина».

С 1939 года Г.М. Маленков вошел в ЦК ВКП(б), с марта 1939 года по октябрь 1952 года он был членом Оргбюро ЦК.

Перед войной Маленков занимался широким кругом военных вопросов: руководил секретным аппаратом Коминтерна, военными кадрами, курировал авиацию и реактивную тематику. С июля 1940 года Маленков являлся членом Главного Военного Совета РККА. Подпись Маленкова (вместе с подписями Жукова и Тимошенко) стоит под директивами, разосланными в войска 22-го июня 1941 года.

В годы Великой Отечественной войны был членом Государственного комитета обороны. Возглавлял так называемые «маленковские комиссии» ГКО – экспертные группы из высших генералов выезжавшие на критические участки фронта. В 1943 году Маленков был поставлен во главе Комитета по восстановлению освобожденных районов. В 1944 году он возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности, занимавшейся получением с Германии репараций в пользу СССР.

В 1946 году Г.М. Маленков стал членом Политбюро ЦК ВКП(б).

* * *

Отдельно следует сказать об «антисемитизме» Маленкова. Обычно для подтверждения этого приводят следующие факты.

Во-первых, в октябре 1944 года Сталин созвал в Кремле расширенное совещание ЦК ВКП(б), на которое были приглашены члены Политбюро и Секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной безопасности. В своем вступительном слове Сталин высказался за «более осторожное» назначение евреев на руководящие должности в государственных и партийных органах.

Вслед за Сталиным выступил Маленков, который действительно говорил о необходимости повышения бдительности по отношению к еврейским кадрам, – однако не в силу своего «антисемитизма», а из-за того, что были известны случаи, когда некоторые евреи, заняв определенные должности, упорно старались окружить себя своими родственниками, близкими друзьями и т.д., а также использовали служебное положение в личных целях.

Таким образом, речь шла не о преследовании евреев как таковых, а о борьбе с коррупцией или «кумовством», как тогда называли это явление. Не случайно, вскоре после октябрьского совещания в ЦК ВКП(б) партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательно, – и это были именно такие должности, где существовал наибольший соблазн для «кумовства».

Для иллюстрации того, что «маленковский циркуляр» был действительно необходим, приведем полный текст легендарного фельетона Василия Ардаматского «Пиня из Жмеринки» (этот фельетон считают проявлением ярого антисемитизма в официальной советской идеологии в последние годы жизни Сталина):

«Передо мной лежит куча документов. На каждой бумажке – сухие цифровые выкладки, подсчеты, анализы. А когда все это прочитаешь, хочется задать такие, например, вопросы:

– Можно ли построить дом из ваксы? А из соды? Можно ли сытно питаться гвоздями?

И оказывается, что все это можно.

Для этого только необходимо поехать в Жмеринку и там войти в доверие к Пине Палтиновичу Мирочнику. Вот это фокусник! Всем фокусникам фокусник! Что перед ним звезда Госцирка Кио с его таинственным сундуком, в котором исчезает штатная дама-невидимка! Но забытый Госцирком, Пиня Палтинович Мирочник вынужденно пребывает на скучнейшей должности руководителя промкомбината Жмеринского райпотребсоюза. Ни тебе аплодисментов! Ни тебе восхищенных рецензий!

Помня о том, что Кио в свое время выступал с 75 ассистентами, Пиня Палтинович тоже окружил себя надежными помощниками, хотя, надо отдать ему должное, до цифры «75» он не дошел. Немного, но не дошел. В свой промкомбинат Пиня Палтинович на должность начальника химцеха взял Давида Островского. Соответственно, сын Давида стал агентом по снабжению. Рахиль Палатник расположилась за столом главного бухгалтера. Соответственно, зять сей Рахили, Шая Пудель, стал ее заместителем. Плановиком стала Роза Гурвиц, а муж ее стал начальником снабжения. Шурин Пини Палтиновича, Зяма Мильзон, занял позицию в хозяйственном магазине. В других местах расположились Яша Дайнич, Буня Цитман, Шуня Мирончик, Муня Учитель, Бенья Рабинович, Исаак Пальтин и другие.

Нетрудно представить себе, какие волшебные явления могли демонстрироваться при такой расстановке сил. Особенно если учесть, что жмеринский районный прокурор тов. Лановенчик до того увлекся длительным созерцанием этих явлений, что совсем позабыл о своих самых что ни на есть прямых обязанностях...

Пиня Палтинович волшебником стал не сразу. На первых порах ему удавалось далеко не все. Так, в 1936 году он был исключен из партии за совершение религиозного обряда и заодно нечистых сделок. К 1941 году он стал уже опытней и сумел, будучи и поныне совершенно здоровым, заболеть как раз в последней декаде июня 1941 года. Это позволило ему уехать в сторону, прямо противоположную фронту. После войны Пиня Палтинович обосновался в Жмеринке. В 1946 году он снова вступил в партию, ловко скрыв, что один раз ненароком в партии уже побывал.

У Пини Палтиновича семья из шести человек, не считая двух братьев жены, которые, имея такого шурина, сдуру проживают за границей. Семья Пини живет в богато обставленной четырехкомнатной квартире. Все его пять иждивенцев нигде не работают, хотя медицинской им это никак не противопоказано. Ежегодно супруга Пини с потомством отбывает в благословенные курортные земли. В самом деле, зачем им работать, если Пиня Палтинович и без того может держать дом на широкую ногу?.. Правда, когда знаешь размер заработной платы Пини Палтиновича, все выше перечисленное становится несколько непонятным, но если бы все понимали фокусы, не было бы и фокусников.

Нет охоты подробно писать о фокусах Пини Палтиновича и его верных ассистентов, ибо, как, наверно, догадывается читатель, название этим фокусам – жульничество. О фокусах этих подробно и точно написано в актах, протоколах, справках и прочих документах. Там все описано. И как по заключению Давида Островского и Муни Учителя были списаны «в брак» 56 800 железных коробок для ваксы. И как потом эти коробки, наполненные ваксой, перестав быть «браком», появились в руках спекулянтов. Ах, какой изумительный по благородству поступок совершил в связи с этой операцией Давид Островский! Оказывается, он бракованные коробки сдал как утиль заготовителю райпотребсоюза Бене Рабиновичу, а полученные за это тридцать целковых чистогапом внес в кассу промкомбината. Какая честность! И ловкость заодно!

На рынке в Жмеринке (да и не только в Жмеринке!) всегда можно купить с рук за три рубля пакетик питьевой соды. Государственная цена этому пакетику – ровно 45 копеек. Эту соду оперативно производит промкомбинатор Пиня Палтинович. И в каком количестве! В одном только 1952 году он выпустил почти сто тысяч пакетиков! По документам выходит, что вся эта сода реализована через Жмеринский райпотребсоюз. Но как же тогда она попала в

руки спекулянтов не только Жмеринского, но и многих других районов Винницкой области? И неужели жмеринцы так пристрастились к пининой соде, что едят ее с утра до вечера столовыми ложками? Не может же население целого района страдать непроходящей изжогой?

Нет, с содой совершен свой фокус. Его могли бы объяснить бывший директор межрайбазы Окнянский и его заместитель Дарман. Но им объяснять не к чему, так что нам остается только посмотреть на обнесенный забором особняк Дармана, купленный им за 56 тысяч рублей. Получая заработную плату в размере 910 рублей, нелегко ему было сэкономить такую сумму. Небось, голодал, сердечный!..

А проезжая через Житомир, мы можем заодно посмотреть и на дом, который за 50 тысяч рублей приобрел выгнанный из жмеринской базы Окнянский. Этому еще тяжелей. Дарман – тот уже работает заместителем директора Жмеринского райпищекомбината, а Окнянский, бедняга, уже год ходит безработным. Небось, на одном хлебе да воде существует...

Да, привольно жуликам в Жмеринке! Вот они и резвятся под самым носом у районного прокурора. Прибыл металл для изготовления строительных гвоздей. Какое, к чертям, строительство, если кустари-сапожники стоном стонут, жаждут по любой цене купить сапожные гвозди! И промкомбинатор Пиня Мирочник выбрасывает на рынок тонны сапожных гвоздей. Между прочим, жмеринский прокурор на эти гвозди слегка накололся и даже завел о них специальное дело. Но в суд дело это он не передал. Говорят, изучает документы. Целый год изучает. Серьезный человек – прокурор в Жмеринке, жаль только, что он безопасен для жулья.

В чем только не замараны руки жмеринских фокусников! И в ваксе, и в синьке, и в халве, и в подсолнечном масле, и в меду, и в патоке. Жулики обнаглели. Недавно Додик Островский заявил: «Дайте мне деньги, и я вам в два счета достану шагающий экскаватор». Хорошо, что Пине Палтиновичу экскаватор не нужен, так что можно быть уверенным, что денег на это он Додику не даст.

Товарищи из Винницкого облпотребсоюза! Последние наши строки к вам. Мы прочитали несколько ваших постановлений, касающихся деятельности шайки Пини Палтиновича. По правде сказать, мы устали читать рассыпанные там «объявить выговор», «указать», «предложить» и прочее. Не переоцениваете ли вы, товарищи, воспитательного значения этих своих постановлений? Да и кого вы пытаетесь воспитывать? Да еще с таким трогательным терпением? Не лучше ли будет поручить это дело наконец областной прокуратуре? Там должны знать, как нужно обращаться с жуликами».

Следует заметить, что подобное положение дел сложилось не только в системе торговли, пищевой и легкой промышленности. Еще 17 августа 1942 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров направил секретарю ЦК А.С. Щербакову записку, где выражалось беспокойство, в частности, по поводу того, что «в управлениях Комитета по делам искусств во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)».

В Большом театре Союза ССР, являющемся центром великой русской музыкальной культуры, руководящий состав целиком нерусский... Такая же картина и в Московской государственной консерватории... Все основные кафедры возглавляют евреи...

Не случайно, что в консерваториях учащимся не прививается любовь к русской музыке, русской народной песне и большинство наших известных музыкантов и вокалистов (Ойстрах, Э. Гилельс, Флиэр, Л. Гилельс, Гинзбург, Фихтенгольц, Пантофель-Нечецкая) имеют в своем репертуаре главным образом произведения западноевропейских композиторов».

Александров предлагал «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров» и «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства».

Эти мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров и были осуществлены в последующие годы.

* * *

Во-вторых, об антисемитизме Г.М. Маленкова якобы свидетельствует дело о Еврейском антифашистском комитете (ЕАК). Маленков являлся одним из главных инициаторов этого дела.

Надо напомнить, что ЕАК был создан в годы войны (февраль – март 1942 года), как было провозглашено, для сплочения антифашистских сил в борьбе с фашистским геноцидом. Реальной прагматичной целью его функционирования было выбивание финансовых средств из американских магнатов-евреев на ведение войны против фашизма.

Председателем ЕАК стал актер и главный режиссер Московского государственного еврейского театра Соломон Михоэлс. Членами ЕАК стали поэты и писатели И.С. Фефер, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Бергельсон, С.З. Галкин, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ) В.Л. Зускин, главный врач ЦКБ им. Боткина Б.А. Шимелиович, директор Института физиологии АМН СССР академик АН СССР и АМН СССР Л.С. Штерн и др.

Ближе к концу войны члены ЕАК, особенно Михоэлс, принимают участие в конкретных судьбах еврейских беженцев, вырвавшихся из гетто или вернувшихся из эвакуации (получение вида на жительство и жилья, трудоустройство, материальная помощь), а также в судьбе тех, кто был уволен, не принят в вуз и т.д. Эта работа не входила в задачи, стоящие перед комитетом, и фактически была нелегальной и антисоветской.

Среди инициатив, предпринятых Михоэлсом и Фефером, было письмо на имя Молотова о создании Еврейской автономной республики в северном Крыму, где до войны было несколько еврейских колхозов. Представитель еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт» обещал им выделить крупные суммы для расселения евреев в Крыму.

12 октября 1946 года Министерство государственной безопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) записку под заглавием «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Заведующий отделом внешней политики ЦК М.А. Сулов организовал проверку и уже 19 ноября того же года докладывал в ЦК о результатах. По мнению Суслова, деятельность ЕАК приобретала все более националистический, сионистский характер и объективно способствовала усилению «еврейского реакционного буржуазно-националистического движения за границей и подогреванию националистических сионистских настроений среди некоторой части населения СССР».

Вскоре после войны МГБ обнаружил и нездоровый интерес к личной жизни Сталина со стороны сионистских кругов за границей. Этот интерес был связан, прежде всего, с тем, что главной международной проблемой в 1947 году был план создания государства Израиль. Успех этого плана, осуществлявшегося через ООН, в значительной степени зависел от позиции СССР и его друзей. Опубликованные на Западе сведения о личной жизни Сталина указывали на наличие и «внутреннего» источника, близкого к Сталину, или даже нескольких источников. Разглашение подробностей о личной жизни Сталина в СССР трактовалось как разглашение государственных тайн. Министр государственной безопасности Абакумов получил новое задание – проследить за каналами утечки информации.

Подозрения пали на родственников второй жены Сталина, Анну Сергеевну и Евгению Аллилуевых. Первой, в начале декабря 1947 года, арестовали Е.А. Аллилуеву; в январе 1948 года арестовали и А.С. Аллилуеву. В круг друзей Аллилуевых попали И.И. Гольдштейн и З.Г. Гринберг. Уже на первых допросах Е.А. Аллилуева сообщила, что Гольдштейн интересовался семьей Сталина и особенно семьей его дочери Светланы и ее мужа Григория Морозова. Гольдштейн сообщил о том, что информацию о Сталине он собирал по просьбе Михоэлса, предсе-

дателя ЕАК. Арестованный З.Г. Гринберг тоже дал показания, что Михоэлс проявляет интерес к личной жизни вождя и сообщает эти сведения на Запад.

* * *

Отношение к евреям в верхах особенно изменилось после приезда в СССР одного из лидеров Израиля – Голды Мейер. Как вспоминает Г. Мейер, когда она пошла в синагогу 3 октября 1948 года, ее встречала толпа евреев. Она пишет. «Улица перед синагогой была неузнаваема. Она была забита народом... нас ожидала пятидесятитысячная толпа... Они пришли – добрые, храбрые евреи...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.